

Игорь Отчик

Прозаик, поэт, литературный критик, эссеист. Родился в 1951 году в городе Мозырь Гомельской области. Образование высшее, экономист-математик. Работал в организациях электроэнергетики Молдавии и России, специализируясь в программировании, статистике, аналитике и экономике. Ветеран энергетики, заслуженный работник ЕЭС России. Проживает в Подмоскowie. Автор трех книг. Имеет публикации в изданиях «Эмигрантская лира» (Бельгия), «Литературная газета», «Независимая газета» и др.

Стереометрия

Это случилось более полувека назад, когда я преподавал математику в сельской школе. Я оказался там совершенно случайно: надо было перекантоваться зиму между двумя институтами, и оказалось, что в одном из сел нашего района требуется учитель математики. Ну, я и поехал. Разумеется, никакого педагогического образования у меня не было — только аттестат с медалью, два курса физического факультета университета и школьные воспоминания.

Начиналась вторая учебная четверть. Стоял ноябрь. Приехал, устроился на квартиру, утром пришел в школу. Не успел оглядеться, познакомиться с учителями, как мне сунули в руки журнал и отправили на урок геометрии в девятый класс. Даже тему урока не сообщили.

Как я выкручивался, уже не помню. Нес какую-то ахинею с перепугу. Ну, и учеников, конечно, запугал. Но потом мне выдали программу обучения, методические материалы, и дело пошло. Программа очень помогала. В ней было написано, что и когда нужно проходить. Я вел алгебру и геометрию в двух десятых, двух девярых и одном восьмом классах, закрывал всю школьную математику у старшеклассников и выводил их на выпускные экзамены.

Вначале было страшновато. Мне только исполнилось восемнадцать лет, и старшеклассники фактически были моими сверстниками.

Но глаза боятся, а мозги шевелятся. Математики я не боялся. В школьные годы у меня был замечательный учитель математики, Владимир Лукич Кострицкий. Он тоже не применял никаких особых приемов, но хорошо знал предмет и доходчиво преподавал. Еще он был абсолютно справедлив, за что его все уважали. До сих пор помню его высокую сутуловатую фигуру и ироничную улыбку, с которой он пояснял нам премудрости действий над простыми и десятичными дробями. Благодаря ему математика стала для меня любимым предметом. Я, двенадцатилетний мальчик, барахтавшийся в непонятном море взрослой жизни, вдруг почувствовал твердую почву под ногами. Если ты правильно решил задачу, никто не сможет сказать, что ты не прав. Ни учитель, ни грозный директор школы, ни ученые профессора, ни самые большие начальники. Тебе, шестикласснику, не сможет возразить никто! Даже Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, вместе со всем своим ленинским Политбюро. Если, конечно, разберется в задачке про бассейн. Конечно, они все равно примут «правильное» решение, независимо от его правильности. Потому что в политике прав не тот, кто прав, а тот, у кого больше прав.

Но в точных науках всегда можно доказать истину, и ничей авторитет, никакое словоблудие ее не опровергнет. Математик, независимо от национальности, идеологии, культуры, примет логические выводы другого математика. Математика — универсальный язык человечества. Мало того, математика — универсальный язык Вселенной. Начинать общение с братьями по разуму нужно будет с таблицы умножения.

Математика строится на законах логики, а это главный инструмент познания мира. Вот это доказательство силы логического мышления — главное доказательство во всей школьной математике. Именно эту силу человеческого разума, которая дает человеку уверенность в жизни, должен донести до учеников учитель математики. Это было и моей целью.

Как меня приняли старшеклассники? Неоднозначно. Девичья часть — с интересом. А пацаны — довольно ревниво. Я ведь фактически был их ровесником — и вызывал их к доске, спрашивал какую-то ерунду, а потом еще и оценивал. Как детей. На глазах у одноклассниц. Это нравилось не всем. Особенно вначале, пока шла притирка. Даже «нашивость» меня проверяли. Но я ни разу не дал слабину. В математике блефовать нельзя, общими словами не отделаешься.

В каждом классе есть неформальный лидер. Обычно именно он задирает учителя, старается перехватить внимание, отпускает шуточки. Но и у меня с чувством юмора было все в порядке. Старался не уступать, отвечать еще острее. Подростки очень ценят находчивость. В этом

смысле со старшекласниками работать даже легче, чем с малышней. Когда имеешь дело с личностями, которые хотят уважения, у тебя гораздо больше возможностей влияния на них. Да и личные симпатии имеют значение.

Но самое главное — я не давал им шансов бузить. Буквально не давал продыху на уроках, благо математика предоставляет такую возможность. Старался и сильных загрузить, и отстающих не упустить. Сразу же вызывал двоих к доске по теории, а остальным давал кучу задач. За урок ставил до десятка оценок, так что даже у слабых была возможность получить лишнюю троечку. И пятерок не жалел, поэтому у лучших учеников был стимул, даже спортивный интерес. Хвалил их, поднимал авторитет, и постепенно перетягивал на свою сторону. Сам, конечно, носился по классу колбасой — и ответы выслушивал, и в тетрадки заглядывал. Без этого нельзя: на минуту присядешь за стол — потеряешь контроль над классом, и тогда он начинает жить своей жизнью. А еще я был абсолютно справедлив. Двойку на уроке никогда сразу не ставил — давал возможность остаться после уроков и ответить по теме. Так понемногу и набрал авторитет.

Следует сказать, что в сельской местности обучение имеет свою специфику. Отличий деревенской школы от городской масса, и все они определяются самой деревенской жизнью — приземленной, грубой, скудной во всех смыслах, а также составом населения, занятого тяжелым, неквалифицированным трудом. Все более-менее толковые уезжают, остаются те, кто мало на что годен, в основном из пьющих семей. Они, в свою очередь, производят соответствующее потомство. Это самый настоящий естественный отбор, только с отрицательным знаком. Как ни грустно, но это следует признать. Разница в способностях учеников вообще одна из главных проблем обучения, а на периферии — тем более. Конечно, во всех моих классах были очень толковые ребята, в основном из семей сельской интеллигенции, но в большинстве домов колхозников никаких книг, кроме школьных учебников, не водилось. Что даст школа, то и остается на всю жизнь. На родителей надежды мало, да они и сами на детей особо не рассчитывают: станет механизатором, как отец, — и ладно.

Бывало, ученик признавался, что не выполнил задание, потому что вчера ездили с батькой за дровами. А в деревне заготовка дров важнее квадратных уравнений. Ну, оставишь его после уроков. Прочитает такой замухрышка несколько раз эту теорему Пифагора, повторит, запинаясь о непонятные слова, а сам все смотрит на тебя добрыми овечьими глазами, а в них — ни тени мысли, только молчаливая просьба: отпусти! Махнешь рукой, поставишь тройку, да и отпустишь с Богом. Точнее го-

вора, с Пифагором. И все учителя это понимают. И, тем не менее, школьная программа должна быть исполнена — чтобы дать минимум всем и не потерять способных. В этом и состоит главная задача средней школы.

Однажды случился и у меня трагикомический эпизод. Было это в последней четверти, на подходе к экзаменам. Конфликт с десятиклассником начался ни с того ни с сего. И парень-то был неплохой, но очень гордый. Похоже, я его ненароком зацепил обидным словом. Темой, как сейчас помню, была стереометрия — геометрия объемных тел. Вызываю: «К доске пойдет Давыдовский Александр Иванович». Приходилось называть по отчеству, потому что в классе было два Александра Давыдовских. В глухих деревнях такое бывает: все жители на одну фамилию, вот и у нас были сплошные Давыдовские и Колесаны.

Вызываю его, а он так лениво с улыбочкой встает и заявляет, что не учил и после уроков не останется. Ну ладно, ставлю двойку. На следующем уроке вновь его вызываю, и все повторяется, один к одному. На третьем уроке — то же самое. Понятно: нашла коса на камень. Обстановка становится все более напряженной, и в начале каждого урока геометрии в классе стоит звенящая тишина. «Здравствуйте! Кто дежурный? Кто отсутствует? Начинаем урок. Давыдовский, к доске!» — «А я не учил». — «После уроков останешься?» — «Не-а». — «Садись, два!» Мы оба сохраняем хладнокровие, а в классном журнале напротив фамилии Давыдовского растет гусеница из жирных двоек...

Весь класс, затаив дыхание, следил за этой геометрической дуэлью. Некоторые девочки пытались уговорить Давыдовского выйти отвечать, но он держался твердо. Но когда количество двоек дошло до пяти, кто-то не выдержал и доложил завучу.

Завуч школы была строгой, но справедливой женщиной, насколько это возможно в должности воспитателя воспитателей. Меня она практически не контролировала, уверенная в моей квалификации. Но когда увидела в классном журнале сплошной забор из двоек, просто изменилась в лице: «Что это такое?!» Далее состоялся разговор, который окончательно отвратил меня от профессии советского учителя. Завуч с трудом сдерживалась, чтобы не перейти на крик: «Как можно?! В выпускном классе! За месяц до государственных экзаменов!» Я спокойно изложил ситуацию, уверенный в своей правоте, но она гнула свою линию: «Вы дискредитируете всю школу! А если узнают в районо? Это же скандал на весь район!» Однако я и не думал уступать, и был готов даже к увольнению. Она еще какое-то время обвиняла меня в непедагогичности, в неумении найти индивидуальный «ключик» к каждому ученику, но, увидев мою твердость, решила сама поискать тот самый пресловутый золотой ключик. Причем к нам обоим.

И это ей удалось. Сначала поговорила с родителями Александра. Потом, успокоившись, попросила меня не идти на конфронтацию и отнестись к ученику без предубеждения. А я, собственно говоря, не имел к нему личной неприязни, да и не хотелось завершать работу скандалом. Пришлось нам обоим приложить усилия, чтобы как-то закрыть частокл двоек положительными оценками. Даже за какой-то давно прошедший урок, задним числом, потому что в журнале уже не оставалось свободных клеточек. В итоге тройку я ему вывел. Разве можно оставлять на второй год выпускника? И зачем? Ведь через месяц после школы ребята напрочь забудут эти тригонометрические функции, которые большинству из них никогда в жизни не пригодятся, поскольку после армии они вернутся в родной колхоз, где их ждут невесты, родительский дом и профессия тракториста.

Вспоминая свой небольшой педагогический опыт, я думаю: здесь я сделал все, что было должно, и душа моя спокойна. Глянeshь, бывало, в лучистые глаза, в которых светится огонек понимания, и душа согревается. Это и есть главная оплата учительского труда, оправдание его усилий. Ведь как бывает? Стараешься давать им самое лучшее, распинаешься перед ними, вкладываешь душу, а результата особого не видно. Вроде бы сеешь разумное, доброе, вечное, а всходят сорняки. Или вообще ничего не всходит! Иногда даже руки опускаются, отчаяние охватывает. Кажется, что все усилия напрасны. Но это временная слабость и ошибочное мнение. Дело в том, что не все посе́вы всходят сразу. Иногда на это требуется много лет. Но все равно эти зерна откладываются в детских умах и душах, и в свой час приносят плоды. Потому что никакие добрые дела не пропадают зря.

Я иногда думаю: вспоминают ли меня мои бывшие ученики? И как? Хочется верить, что добрым словом.

Случай на уроке географии

Как известно, жизнь подростка не ограничивается стенами школы. За ее пределами на его долю выпадают намного более серьезные испытания, чем у школьной доски, и уроки он там получает даже более важные. А нравы во дворах царят далеко не самые гуманные. Школьник постоянно сталкивается с насилием. Любой старшекласник может дать ему подзатыльник. И деньги могут отнять, и шпана дворовая достает. В лучшем случае речь идет о доминировании физически сильных неформальных лидеров, но подростков могут терроризировать даже уголовные элементы и настоящие банды. А взрослые этого не видят, а если

и видят, то считают нормой: мол, будь мужчиной, учись защищать себя сам.

Поразительно, но взрослые люди защищены от преступных элементов, а дети — нет. Если взрослого подловят в укромном месте и потребуют кошелек, на его стороне и закон, и милиция. А когда местный амбал выворачивает у мальчонки карманы, это считается детскими шалостями. Но суть-то одна. Объективно говоря, в детском мире отношения даже более жестокие, чем во взрослом. В свои школьные годы я никак не мог понять: почему взрослые не видят, что вот этот верзила с хамским выражением лица — настоящий выродок? Что ему доставляет удовольствие обижать и унижать других, издеваться над слабыми. Ведь это уже сложившийся преступник — будущий грабитель, насильник, убийца. А если он набирает себе в подчинение шайку, они вообще действуют по бандитским законам, терроризируют всю округу. И школьникам приходится выживать среди них.

Только став взрослым, я понял, что причины равнодушия просты. Кто-то действительно не видит этого, занятый своими делами, или считает мелочами, недостойными внимания. А кто-то не хочет видеть. И в первую очередь — учителя: им так спокойнее. А некоторые просто боятся. Ведь эти звереныши даже взрослого могут избить до полусмерти, не имея жалости, не думая о последствиях. Или еще какую-то подлость устроят. И все понимают, что применять к ним какие-то педагогические приемы, подбирать какой-то «ключик», бессмысленно, но делают это «по долгу службы». Бездарные попытки перевоспитать такого морального урода хорошо показаны в фильме «Семь нянек». Хулиганов терпят, чтобы поскорее выпихнуть из школы во взрослую жизнь, где ими займутся соответствующие органы.

Вот и мне в школьные годы пришлось столкнуться с подобным. В седьмом классе у нас появился второгодник. Здоровенный, тупой жлоб с плоской, рябой мордой и оловянными глазами. Он сразу начал наводить свои порядки, пацанов под себя ломать. В нашем классе такого раньше не было. Ну, кто-то крепче, кто-то слабее, мальчишеская иерархия — это понятно, но, чтобы сознательно издеваться, что-то отнимать у более слабого — такого не случалось. А я ему сразу что-то поперек сказал, и он на меня тут же попер. После школы за углом остановил, за грудки вместе с галстуком сгреб и начал гнуть, на колени ставить. Я подергался — а сделать ничего не могу. Он прорычал что-то, смазал меня по лицу своей грязной пятерней, портфель ногой отшвырнул и ушел. Обидно было до слез.

Но не на того напал. Я эти дела уже знал. Родителей часто переводили на другую работу, и мне приходилось устраиваться на новых местах. Я

давно понял: как себя сразу поставишь, так оно и дальше пойдет. Меня этому отец с малолетства учил. И дело не только в бицепсах. Есть еще сила воли и башка на плечах. Но что тут придумашешь? Кирпичом с крыши, что ли? Нет, это детские фантазии, самоутешение.

На следующий день, на перемене, в туалете, он снова начал меня гнуть, авторитет показывать, чтобы другие видели. Я стерпел, но появилось какое-то тихое бешенство. На уроке географии, после ответа, пошел к месту с указкой в руках, как будто по забывчивости. А когда проходил мимо его парты, размахнулся и толстым концом врезал ему по башке. Потом еще раз, и еще, пока меня учитель не схватил. Разбил его дебильную башку в кровь, даже волосы к указке прилипли. В тот момент даже мысли не было, что могут из школы выгнать или еще чего похуже. Мне было плевать.

Учитель оттащил меня, а его отвели в медпункт, замотали голову бинтом, потом отправили в больницу. Конечно, шума было много. Со мной начали разбираться, родителей вызвали. Я молчал, как партизан, но другие пацаны рассказали кое-что, и это приняли во внимание. Дома мать начала было меня ругать, но отец ее остановил.

После случившегося было важно не испугаться его мести. Но у меня уже была уверенность. Я бы придумал что-нибудь еще. И второгодник это понял. Такие, как он, ведь тоже бешеных опасаются. А еще больше он боялся шума, потому что висело на нем много всякого.

Отец купил мне гантели и эспандер и записал в секцию бокса, так что через полгода я уже был готов выйти против него один на один.

Конечно, мне повезло. Бывают такие выродки, что не прощают. Рубятся до конца, на взаимоуничтожение. Есть даже драка такая: левой рукой берут друг друга за грудки, а правой бьют по морде — кто первый сломается. Этакая форма дуэли, русская народная. А еще была такая забава, когда деревни дрались стенка на стенку. Тоже национальный вид спорта. Зачем это было нужно? Ведь калечили и убивали друг друга. А просто так — удаль молодецкая, потеха богатырская. Бои молодых самцов. Когда кулаки чешутся и силу дурную девать некуда. Дикость, в общем-то. Так в природе бывает: самцы сражаются за самку до смерти, потому что проигравший биологическому виду уже не нужен, он свои гены потомству передать не сможет. Останется он жить или нет, природе не важно.

Казалось бы, мы уже давно не самцы в дикой природе, но, если сталкиваешься в укромном месте с каким-нибудь дебильным Ванькой Косым, — это все равно, что встретиться в лесу с медведем. Считаю, что не повезло. А у блатных это вообще норма отношений: иерархия выстраивается по физической силе. Должен ли приличный человек состязаться

в силе с тупым мордоворотом, рискуя способностями, талантом? Вопрос неоднозначный. Можно, конечно, сказать: пацаны, вы по таланту особо не бейте — это народное достояние. Может, и оценят юмор. Да, общество должно защищать людей от зверья, но попробуй докричаться до него из ночной подворотни.

Вечный вопрос: откуда они берутся, эти Ваньки Косые, уличная шпана? Считается, что из неблагополучных семей. С малых лет они видят дома пьянство, ругань, насилие и воспринимают все это как норму. А потом, когда удается обидеть слабого, отнять у него что-то и остаться безнаказанным, они воспринимают этот дворовый успех как действие первобытного закона силы: кто сильнее, тот и прав. Нужно ли ими заниматься, перевоспитывать? Конечно. Кое-кто из них находится в пограничном состоянии, и есть шанс вытащить его из «бездны зла». Впрочем, такую роль исполняет и сама взрослая жизнь. Очень эффективна в этом смысле армейская служба.

К сожалению, закоренелые, неисправимые преступники и маньяки выходят даже из обычных, казалось бы, семей. Неужели дело в дурной наследственности? Но ведь у Чикатило в роду живодедов не было. Невольно приходит мысль, что это некий атавизм, оставшийся в наших генах от диких предков. Когда-то, в древности, более развитые крома-ньонцы победили тупых и злых неандертальцев. Но не всех. Их гены сохранились и передаются по наследству. Дикость оказалась жизнеспособной, и троглодиты до сих пор живут среди нас. Скрытых и явных неандертальцев с животными инстинктами можно встретить даже в научных и в театральных кругах. Но больше всего их на разнообразных руководящих постах.

Да, все мы родом из детства. Общеизвестно, что характер человека формируется в юные годы. Развитие личности человека похоже на развитие зародыша, проходящего последовательные биологические стадии. Младенец — это чистый эгоист, он только требует. Позже, когда ребенок начинает что-то понимать, возникают первые ограничения. С помощью убеждения, ремня и других педагогических приемов родители объясняют ему, что такое «можно» и «нельзя», «хочу» и «нужно», «хорошо» и «плохо». Потом дети растут, общаются со сверстниками, выходят в большой мир, учатся жить среди людей. Тычутся, набивают шишки, постигая, что такое добро, зло, правда, ложь, справедливость и так далее. Набирают опыт, совершают поступки, которых потом стыдятся всю жизнь. И это правда, чего скрывать. И обманываем, и крадем что-то по мелочи. И несправедливыми бываем, и жестокими. И благо, если из этих ошибок делаются правильные выводы.

Давным-давно, когда я был ребенком, не знавшим грани меж добром и злом, я подобрал в овраге ястребенка, голодного, со сломанным крылом. Страдавшее, но гордое создание, ершистый, злобный, он кусочки мяса ел, и дерзкими янтарными глазами он на меня без робости глядел. Он небо знал! Зависимость, как муку, он принимал, и вместо пирога клевал гордец ласкающую руку! Во мне он видел своего врага.

С тех пор мне память не дает покоя — его неблагодарностью взбешен, ударил я кормившею рукою! Забыв о том, что беззащитен он. Гортанно вскрикнув, с яростью во взоре, он прыгнул на меня! Не властвуя собой, я отшвырнул его, но он, себе на горе, ввязался в этот безнадежный бой. Он из последних сил сопротивлялся, крыло больное жалко волочил, он убегал, он спрятаться пытался — я ж, как безумный, бил его и бил! Он вдруг упал, глаза его погасли. Не помню, как я руку удержал. Я весь дрожал, слезами обливался. А он лежал...

Он выжил и окреп, и небо было радо, когда он улетал. Но он вернулся вдруг! Мне большей благодарности не надо — я покормил его в последний раз из рук. Давным-давно, когда я был ребенком, не знавшим грани меж добром и злом, я подобрал в овраге ястребенка. С учителями мне тогда везло.

Это был хороший урок: делая добро, не жди благодарности.

А. П. Чехов советовал выдавливать из себя раба. Я не согласен. Сначала мы должны выдавить из себя дикаря.

О бедном учителе замолвите слово

Точнее говоря, о бедном сельском учителе. А это особая профессия и судьба. И главная особенность ее в том, что сельский учитель — часть деревенского или поселкового сообщества, которое представляет собой нечто вроде большой семьи, где все всегда у всех на виду и все о всех все знают. Когда ученики видят за забором сохнувшее нижнее белье педагога, невозможно на уроках изображать из себя что-то inferнальное. Тем более, что на селе сама жизнь уравнивает людей в неизбежных хозяйственных делах: огород, живность, заготовка дров, солений на зиму... Поэтому авторитет учителя формируется не только в школе. Это осложняет, но и облегчает профессиональную судьбу сельского учителя.

Я хорошо знал эту жизнь в былые годы, потому что мать моя работала учительницей природоведения и ботаники в районном центре

белорусского Полесья. Это было почти шестьдесят лет назад. Времена были трудные. Наша семья, как и прочие жители поселка, выживала за счет подсобного хозяйства, хотя родители и считались интеллигенцией. И огород был, и куры, и поросенок. А русскую печь, в которой готовили еду и грели воду, топили каждый день, все холодное время, с осени до лета. Отец с вечера приносил две охапки заснеженных березовых поленьев и укладывал в печку, чтобы просохли и хорошо разгорелись. Утром, чтобы успеть ее растопить, приготовить на ней завтрак и обед на семью, а еще еду поросенку и курам, приходилось вставать в шесть часов. Бедная мама, как она эти чугуны в печи ворочала, как управлялась? Трех детей и мужа накормить, кого-то в школу собрать, кого-то в детский сад, кого-то на работу. А потом, задав корм курам и поросенку, собраться самой и бежать за два километра в школу, и там соответствовать высокому званию советского учителя. Конечно, отец и мы, по мере сил и желания, помогали матери, но все равно большая часть домашней работы лежала на ней. Сейчас это трудно представить, но в доме не было ни водопровода, ни канализации, ни парового отопления. В туалет бегали во двор — и летом, и зимой. За водой нужно было ходить на колонку за сотню метров, а нагреть ее, чтобы хотя бы посуду помыть, можно было только в печке или на керогазе. Ни газа, ни холодильников, ни стиральных машин не было. Зимой белье в тазах и ведрах носили на речку, чтобы полоскать в проруби. Вспоминаю, как мать отогревала дыханием свои замерзшие в ледяной воде руки. До сих пор сердце кровью обливается...

Особенно тоскливо было глухой осенью, в ноябре, пока снег не выпал. Холод, дожди, грязища, темнеет рано. У всех настроение плохое, родители ссорятся, и детям достается. И еще одна беда — традиционная. Я теперь понимаю, что пили от скуки, от однообразной жизни. Выпивали не только простые люди, но и руководство, и интеллигенция. Работа была без радости, а вернешься домой — впрягайся в домашнее хозяйство. И так каждый день, одно и то же. Вот и заходили мужики в пивную, кружечкой пива развлечься. А там друзья-знакомые, разговоры всякие, и пошло-поехало. Жена с работы прибежит, детей накормит, хозяйственные дела переделает, скотину накормит... Рук на все не хватает, а мужа все нет. И уже знает, бедняжка, что придет он навеселе, а то и вдрызг пьяный — чего от него ждать? Какой помощи? Что ему говорить? И сколько можно? А детям эти скандалы слышать какво? Да, было такое дело. Из песни слова не выкинешь.

Да я и сам, работая в сельской школе, чуть было не спился! Меня там часто приглашала в гости одна молодая семья. Тоже учителя, после института, с маленьким ребенком. Сидим, бывало, зимним вечером в

деревянной избе у натопленной печки, под тусклым светом, говорим о чем-то малозначимом, картами засаленными шлепаем. Телевизор черно-белый рябит, ерунду какую-то показывает. Потом ужин деревенский, с яичницей на сале, картошкой, квашеной капустой, а на столе обязательно бутылка с мутноватой жидкостью. Выпьем по сто грамм, и вроде как веселее становится. Потом еще добавим, для интереса... Я вовремя почувствовал, что затягивает это болото, и перестал к ним ходить, сослался на учебную нагрузку. Может, и обиделись, не знаю.

А в деревне в те годы самогон был средством взаиморасчетов. Денег колхозникам не платили, зарплата шла трудоднями. Кто мог, продавал что-то на рынке в районном центре. Я жил на квартире у старухи-вдовы. У нее денег вообще не было, только моя квартплата, сама квартира — старая изба, одна комната да сенцы. Слева, при входе — печь на четверть избы, обмазанная глиной и побеленная. В правом дальнем углу — иконы. Перед ними, у оконца, стол со скамейкой. Там я проверял тетради и готовился к урокам. А в левом углу — главная мебель: массивная кровать с металлическими набалдашниками, застеленная самым лучшим покрывалом с нарядными оборками и горкой пышных подушек. Это было украшение избы, гордость хозяйки. Она на этой кровати не спала и выделила ее мне, а сама ночевала на полотах, за печкой, за ситцевой занавеской. Натопит, бывало, с вечера печку до духоты, а утром просыпаемся — по углам иней. Романтика, блин! На БАМ ездить не надо.

А в центре избы было еще одно романтическое сооружение — варочная плита. Использовала ее хозяйка нечасто, но для очень важного дела. Сам принцип изготовления народного напитка, как известно, заключается в испарении и конденсации забродившей органики. Аппарат моей хозяйки поражал своей простотой, но это примитивное устройство работало со страшной силой. В избе было не продохнуть. Десять минут в такой творческой атмосфере — и уже можно было закусывать. Рука невольно тянулась к огурцу.

Закончив производство, бабка раскрывала двери избы настежь, а сама, пошатываясь, шла на деревню продышаться. Самогоном она расплачивалась с трактористами за дрова или вспаханный огород, да и ни один праздник без него не обходился.

Я много повидал спившихся провинциальных учителей. И сейчас стоит перед глазами наш сосед, учитель математики. Это был невысокий, лысоватый мужичок в очках, добрый, мягкий, с виноватой полуулыбкой на лице. Их бездетная семья часто приглашала нас в гости. Соседка тискала моего младшего брата, а сосед занимался со мной — задавал забавные задачки по математике, подсказывал красивые решения, мы шу-

тили, смеялись. Он называл меня «союзником». Я переходил из класса в класс, а он потихоньку спивался. По слухам, из-за конфликтов в семье, из-за бездетности. Из-за пьянства его перевели из школы в районо, но он продолжал выпивать. Мы с братом подросли, и его жена стала приглашать к себе других соседей с маленькими детьми, а сосед периодически заходил к нам. По уважительной причине: опохмелиться. У отца с весны в подвале стояла бочка с забродившим березовым соком. Сок этот был невероятно кислым — вырви глаз, но для «союзника» он был просто лекарством. Я выносил из холодного подвала запотевшую литровую банку этого «кваса», он хватал ее трясущимися руками и жадно выпивал всю. Это был безнадежно опускавшийся человек. Потом его уволили из районо, и он работал в каком-то другом месте. Иногда он подолгу сидел у нас, беседовал с родителями, а завидев меня, уже старшеклассника, давал какую-то заковыристую, по его мнению, задачу. Я ее решал и долго объяснял ему решение, поражаясь его некогда острому, все более слабеющему уму.

После школы я уехал и поступил в университет, а когда вернулся на каникулы после зимней сессии, родители сказали, что «союзник» умер от цирроза печени. Его жена быстро постарела, их большой и пустой дом пришел в упадок вместе с запущенным, заросшим садом, а серый деревянный забор, через который мальчишки лазили за яблоками, наклонился внутрь и привалился к стволу огромной старой яблони.

Конечно, не у всех учителей такая несчастная судьба. По большей части они доживают до пенсии и становятся неотличимы от прочих провинциальных стариков и старух. О судьбе сельской интеллигенции писал еще Чехов в «Ионыче» и других рассказах. И фильм Михалкова «Неоконченная пьеса для механического пианино» о том же. Их герои, вначале молодые, веселые, полные сил и желаний, с прекрасными планами, незаметно стареют, опускаются и спиваются.

Меня такая судьба абсолютно не устраивала. Тем более, что я успел почувствовать свинцовый привкус зависимости учительской профессии. Учитель постоянно находится между наковальней инертной ученической массы и молотом противоречивых требований директора и завуча, нормативных и идеологических установок. И никуда от этого не денешься.

Помню, как директор школы направил меня на агитацию колхозников перед выборами. Зачем — непонятно, ведь это были не выборы, а голосование с predetermined итогом. Но установка на агитацию была, и ее требовалось исполнять. Все было как в старых советских фильмах: в душном зале деревенского клуба сидели на скамейках усталые, забитые тяжелой и грязной работой люди в телогрейках, сапогах и

валенках с галошами, на сцене, за столом под зеленым сукном, — актив, а поверх — лозунг на красной материи: «Ленинским путем — к победе коммунизма!» Что я, девятнадцатилетний пацан, мог им сказать? О каких выборах могла идти речь, если кандидат был единственным? Это были не выборы, а насилие над здравым смыслом, над самим понятием «выбор». Сгорая от стыда, я мямлил что-то про нерушимый блок коммунистов и беспартийных. Смотреть в лица согнанных на «мероприятие» трактористов и доярок было невозможно, потому что в их глазах был весь спектр неприязни — от понимающе-насмешливого презрения до тяжелого недружелюбия. Мой сбивающийся голос звучал в тягостной тишине. Кто-то задал издевательский вопрос, но секретарь парткома, видя мое бессилие, взял инициативу на себя и ответил за меня что-то, положенное в таких случаях. Больше вопросов не возникло. Колхозники разошлись, но противно было всем.

Я с чистой совестью завершил учебный год в сельской школе. В ответ на предложение директора школы остаться ответил категорическим отказом.

Педагогическая проза

Профессия учителя — очень специфическая. Ее предметом являются знания, а объектом — дети, которым эти знания нужно передать. Основная деятельность учителя — общение с учениками. От того, как оно складывается, зависит результат самого обучения. Кроме того, школьный учитель — не только преподаватель, но и воспитатель. В отличие от обучения взрослых людей, школьное преподавание носит гораздо более личностный характер. Удержаться в рамках формального исполнения обязанностей в школе практически невозможно. Учителя любят и уважают — или наоборот. Если учителя невзлюбили, судьба его незавидна, и все его человеческие качества уже не в счет. А некоторых учителей не любят, но боятся и тихо ненавидят. Тоже ничего хорошего.

За что любят? А это как в самой любви — трудно объяснить. Иногда за молодость, внешность, легкость характера. Школьники всегда влюбляются в красивых старшеклассников. И в таких же учителей. Романтизируют их, обожают, многое прощают. И все же главное в этой профессии — неравнодушие. К учительству нельзя относиться формально, отбывать повинность. А еще нельзя противопоставлять себя классу, воспринимать его как чуждую, враждебную массу. Учеников нужно понимать, видеть в каждой личности, со своими достоинствами и недостатками.

А на голову не сядут? Могут. Запросто. Слабых и беспомощных тоже не уважают. Вспоминаю свою учительницу химии. Мало того, что она вела, пожалуй, самый ненавидимый школьный предмет, так еще оказалась совсем безвольной. Это была добрая, простая женщина, но какая-то несчастная и незащищенная. Мы это сразу поняли. Она что-то говорила у доски, но класс не обращал на нее внимания, жил своей жизнью. Я вначале пытался слушать ее, а потом тоже махнул рукой. До сих пор жалко ее и стыдно, и хочется просить прощения.

Поэтому вначале нужно обязательно показать силу и строгость. Чтобы ученики знали порядок и уважали закон. Тогда любое послабление будут воспринимать с благодарностью. В этом нужно быть однозначно понятным и последовательным.

Есть мнение, что учитель прежде всего должен любить детей. Первоклашки ходят за учительницей, как цыплята за курицей, и ждут от нее буквально материнской любви. Но все же учительская любовь должна быть не материнской, а отеческой: строгой и требовательной. Дети ведь непростые существа, в них много всякого намешано. Иногда могут поступить благородно, а потом вдруг совершить что-то немыслимое, дикое, — потому что еще не разобрались ни в жизни, ни в самих себе. Важно понимать эту несформированность детского характера и видеть в каждом ученике личность. Идеальный воспитатель должен быть идеальным отцом: любящим, понимающим, справедливо наказывающим и всепрощающим. Как ветхозаветный Бог? Да, вроде того. Конечно, в общеобразовательной школе трудно быть Богом, но нужно стремиться им быть.

К ученикам нельзя относиться формально. Они все равно втянут учителя в отношения, но у этих отношений должны быть определенные границы. В начале своей учительской деятельности я допустил педагогическую ошибку: чтобы установить контакт с учениками, после занятий играл с ними в хоккей. Это дало некоторым наглецам повод для фамильярности не только на льду, но и в школе. Пришлось пресечь это безобразие и восстановить необходимую субординацию.

Пожалуй, самым главным качеством учителя должна быть справедливость. Она должна проявляться не только в оценке успехов и поведения учеников, но и в заслуженном наказании за нарушения. Без спуска, но и без озлобления. Почти как в классической русской литературе: ты лучше посеки за дело, но только сердца не держи.

Отдельная тема — профессионализм учителя. Что касается знания предмета, здесь все однозначно: оно должно быть полным в рамках школьной программы. Но не только. Если эта область знаний стала делом твоей жизни, грешно не интересоваться ее развитием. А вот сам

процесс передачи ученикам знаний дает огромное поле для творчества. В нем есть обязательные элементы. Прежде всего, это речь педагога: она должна быть четкой, ясной и уверенной. Все высказывания должны быть конкретны. Я имею в виду прежде всего точные науки. Этот профессиональный навык точно формулировать мысли и уверенно высказывать их перед любой аудиторией очень полезен и в жизни. Если тебе есть что сказать, идти вперед нужно твердо, с открытым забралом, но при этом быть готовым ответить за свои слова.

В каждом предмете свои особенности и приемы. Литература и математика — антиподы. Если в естественных науках все достаточно конкретно и апеллирует к разуму ученика, не оставляя возможностей для двойного толкования, то в гуманитарных все не так однозначно. Школьная программа по литературе идеологизирована, кроме того, чрезмерно засушена анализом произведений и их героев, на которых уже заранее стоят штампы: «хороший» или «плохой». От учеников требуется лишь подтверждение этих «правильных» оценок. Из-за этого формализма я ненавидел школьные уроки литературы, хотя дома читал запоем. До сих пор с отвращением вспоминаю всех этих «Дубровских», «Отцов и детей», «Горе от ума», «Капитанскую дочку»... Даже названия какие-то несуразные. Почему «капитанская», почему «дочка»? «Дочь капитана» звучит лучше, хотя все равно сбивает на морскую тематику. Я бы назвал эту повесть просто и точно: «Заячий тулуп». Да, пушкинская проза безупречна — и сюжетно и стилистически, но для детей она сухая, пресная. Помню, у меня — мальчишки, любившего приключения, история Гринева вызывала зевоту. Даже в самые трагические и страшные моменты сюжета, когда Пугачев берет приступом крепость и казнит государевых людей, Пушкин пишет об этом индифферентно: «Молодой казак ударил комендантшу саблею по голове». Как будто ударил газетю муху. По голове.

А что смешного для подростка в пресловутом «Ревизоре»? Или в тошнотворной «Шинели»? Или в «Человеке в футляре»? Заставляя подростков читать неинтересное, да еще «анализировать» это, школьная программа отвращает многих от чтения. Вместо пользы приносит вред. Я бы сделал литературу в школе свободным предметом. Читай, что хочешь! А пятерки ставил бы за восторженный пересказ «Острова сокровищ», «Трех мушкетеров» и «Алых парусов». Потому что интерес к чтению важнее содержания. Конечно, знакомить детей с классической литературой необходимо, поскольку в большой жизни у них на это уже не будет времени. Но делать это нужно без принуждения.

У нас в школе была умная учительница, которая понимала это противоречие. Она передавала нам свою любовь к литературе и не слишком

насиловала классикой. Помню, проходили Маяковского, и пришлось писать сочинение по его ленинским поэмам. А я, даже будучи записным отличником, их не читал. Неожиданно почувствовав себя в шкуре бес- сильного двоечника, я от отчаяния заполнил страницу его «ноктюрном на флейте водосточных труб» и добавил пару слов о том, как мне нравится это произведение. На следующем уроке ожидал заслуженную двойку. Лилия Федосовна, как обычно, разбирала сочинения — все, кроме моего — и оценивала их. Я все сильнее вжимался в парту... «Но отдельно хочу сказать об одном сочинении, которое меня удивило, — вдруг произнесла учительница. — Оно короткое, и написано не по теме. Но это тот случай, когда количество слов не имеет значения. Я поставила автору пятерку, потому что в его работе выражен искренний интерес к поэзии. Мне нравится, что у нас в классе есть такие ученики. Значит, мои усилия не пропадают зря».

К сожалению, таких учителей литературы не так уж много. Большинство тупо «проходят» программу. Правда, у них есть оправдание: их принуждают к этому. Но тем более нужно ценить тех, кто вкладывает в предмет свою душу. Спасибо вам, Лилия Федосовна. Я тепло вспоминаю вас.

И, наконец, разве может подросток осилить, а тем более понять роман «Война и мир», который толком не понимают даже взрослые? Этим романом школьника можно только наказать. Помню, как меня вначале привлекло его название, и как я потом был разочарован. Но разве Толстой в этом виноват? Разве он писал «Войну и мир» для детей? Думаю, его самого оскорбило бы такое насильственное «изучение». Я бы вообще запретил Толстого и Достоевского в средней школе — чтобы у подростка не было иллюзии, что он читал великих русских классиков. Но для «Преступления и наказания» можно сделать исключение. Его все-таки лучше иметь в школьной библиотеке — может, тогда в тюремную записываться не придется.

Школа и жизнь

Что такое школа в жизни человека? Символ детства, неприятный опыт или фундамент судьбы? Заканчивается ли она последним звонком и вздохом облегчения или вся человеческая жизнь — это вечная учеба?

Чему мы только не учимся с младых ногтей и до самой старости! Чему-то нас учат родители, чему-то — школа, чему-то — улица и сама жизнь. Учебную программу среднего образования в былые годы задавало Министерство просвещения. В нее входили чистописание перье-

выми ручками и пение, деление столбиком, раскраска контурных карт, теорема Пифагора, природоведение, битва при Фермопилах, подтягивание на турнике и прыжки в длину, гербарии, закон Бойля-Мариотта, правописание деепричастий, изготовление жестяного совка для мусора, круговорот воды в природе, внеклассное чтение, квадратные уравнения, черчение, шпрехен зи дойч или спик ду ю англиш, правило буравчика, опыты с кислотами и щелочами, искусство подчистки оценок в дневнике, образ Татьяны, строение инфузории-туфельки и противогаяза... Всего и не вспомнишь. А еще этот ежегодный сомнительный праздник — первое сентября, с букетами астр и георгинов, с новой формой на вырост, негнушимися ботинками и чистыми тетрадками в клетку и линейку в дерматиновом портфеле. И вновь нужно рано вставать, и собирать портфель, и завязывать пионерский галстук, и привыкать к урокам за свежевыкрашенными партами. И начнется привычная школьная рутина с долгими уроками и короткими переменами. И будут в ней неизбежные вызовы к доске, скрипящий по ней мел, домашние задания, внеклассные занятия, контрольные работы и сочинения. А кроме того, пионерские собрания и политинформации, школьные «линейки», выпуск стенгазеты, сбор металлолома и макулатуры, дежурство по классу, сдача норм ГТО, шефская помощь, культпоходы в музеи и театры, художественная самодеятельность, КВН, кружки кройки и шитья, радио и авиамоделирования...

Но что действительно незабываемо, так это огромное, ни с чем не сравнимое чувство свободы на последнем уроке учебного года перед летними каникулами! Чистое, ничем не омраченное счастье.

Была еще и вольная жизнь вне школы, с лазанием по деревьям и стройкам, запуском бумажных корабликов, изготовлением воздушных змеев и пилоток из газет, прицельной стрельбой из рогаток, летними каникулами у бабушки в деревне, помощью по хозяйству, рыбалкой и хищением яблок в чужих садах, хоккеем с самодельными клюшками, перестрелкой снежками, запойным чтением фантастики и приключений, сражениями деревянными саблями с гвардейцами кардинала, снежным трамплином и разбитым на нем носом, футболом растрепанным кожаным мячом, велосипедными гонками, купаниями в речке до посиневших губ и гусиной кожи, сладостными объятиями горячего песка под жарким солнцем, слезающим лохмотьями с плеч загаром... А еще были пионерский лагерь как школа жизни, верная дружба с бесконечными разговорами, скрытая от всех наивная первая любовь, дворцовые песни, взрослые танцплощадки, игра в «очко» за сараями в сомнительной компании под глупые матерные анекдоты, первая настоящая сигарета и первая выпивка из горлышка на собранные копейки, первый танец

на школьном вечере и первый поцелуй после него. Все это было, было. Какие трогательные воспоминания!

Но время летит все быстрее, и вот приходит самый лучший, самый счастливый школьный год — выпускной. Это апофеоз школьной жизни, когда мы становимся хозяевами школы. Долгожданный десятый класс, которому мы так долго завидовали, — как он прекрасен и как быстро пролетает! Продлись, продлись, очарование! Но нет, не успеваем мы в полной мере им насладиться. Совершенно незаметно набегают выпускной вечер, который завершает казавшиеся бесконечными школьные годы. Свобода! Она длится совсем недолго, и очень скоро мы осознаем, что оставшиеся в прошлом школьные тяготы — игрушки в сравнении с новыми требованиями взрослой жизни, которая открывает перед нами новый диапазон жизненных наук. Кто-то вливается в рабочий коллектив, кто-то под чутким руководством старшины осваивает наматывание портянок, строевую подготовку и сборку автомата Калашникова, кто-то учится выживать на студенческую стипендию и сдавать экзамены по чужим конспектам.

Оглядываясь назад, поражаешься: сколько уже ненужных, а некогда важных навыков пришлось освоить. Что-то мне потом пригодилось, как, например, ремонт сантехники, экстраполяция временных рядов и окучивание картошки, но немецкий язык, метание гранаты и марксистско-ленинская философия — однозначно нет. К счастью, мое детство не было омрачено музыкальной школой, в которой мучились многие сверстники. Удалось избежать и танцевального кружка.

Невольно задумываешься: стоило ли все это изучать? Прежде всего, в школе. Правильно ли в принципе строится наше образование? И самый в этом смысле главный вопрос: что важнее — универсальные знания или специальные? Обо всем понемногу — или все о немногом? У нас традиционно предпочтение отдается первому, поэтому российский средний школьник обладает намного более обширными знаниями об окружающем мире, чем, скажем, американский. Однако в практической деятельности их выпускники добиваются очень хороших результатов, а в чем-то — даже лучших, чем мы. По западным фильмам и книгам можно сделать вывод, что в заморских школах царит полная свобода. Хочешь — слушай учителя, не хочешь — занимайся своими делами. Считается, что детей нельзя оскорблять оценками. Они приобретают первичную грамотность, причем в развлекательной форме. Зато у них много возможностей для занятий спортом, музыкой, танцами, рисованием, в том числе в старших классах. Зачем? Чтобы в школе было интереснее, чем в подворотне? Возможно. Но кто выходит из таких школ? Будущие рабочие, шоферы, продавщицы, санитарки? То есть основная

часть населения — как и у нас. Только без комплексов и ненависти к знаниям и образованным людям. Потом они освоят свои профессии, но уже в утилитарных целях. Как говорил Козьма Прутков, каждый из нас приносит пользу, будучи употреблен на подходящем ему месте. А тот, кто способен и тянется к знаниям, имеет возможность продолжить образование в высшем учебном заведении. Пожалуй, и нам стоило бы в большей степени дифференцировать обучение. Зачем трактористу тригонометрия, а доярке законы Ньютона? Токарю не понадобится биология, а врач не должен чинить телевизор. В последнее время элементы ранней специализации проникают и в наше школьное образование. А если выбирать одно из двух, профессионализм однозначно лучше. В идеале продуктом образования должен быть Левша с университетским дипломом.

И здесь мы подходим к самому общему вопросу не только школьного образования, но становления человека: как найти свое место в жизни, наиболее соответствующее природным способностям? А главное — как их выявить? Чтобы не ошибиться, не мучиться потом всю жизнь с нелюбимым делом. Казалось бы, все просто: еще в детские годы перепробовать все, что можно, и сосредоточиться на том, что у ребенка получается и что ему нравится. Так и поступают умные, любящие родители. Но многие считают, что «не нужно лишать ребенка детства», кто-то не хочет предпринимать для этого усилий («мы-то выросли без этих выкрутасов»), а кому-то вообще до детей нет дела.

Впрочем, если приглядеться к ребенку, можно и так многое заметить — чем увлекается, чем интересуется. Любит рисовать, например. Или с кошками-собаками возится. Или балдеет от музыки, напевает что-то. Такого нужно направлять в музыкальную школу. Если мальчик крепкий и шустрый, и даже спит с футбольным мячом, значит, ему дорога в спорт. Или в военное училище, в офицеры. А если увлекается приключениями, может стать моряком или летчиком-испытателем. Любознательному — прямой путь в науку. А если любит ковыряться в технике, может выучиться на конструктора. В крайнем случае, будет шофером или механиком. Школьный корифей математики может стать высококвалифицированным программистом. А кем станет «ботаник»? Ботаником? Нет, ботаником станет любитель природы. А настоящий «ботаник» останется пожизненным инженером.

Творческие способности более заметны. Ребенок с голосом и слухом, если им заниматься, может пробиться на эстраду. Фантазер может оказаться писателем. А шутник и кривляка выберет стезю клоуна, комедийного актера, ведущего телешоу, аниматора, свадебного тамады. Девочке-воображалке прямая дорога в театральное училище. А вот хо-

заяственная чистюля, гордость бабушки, скорее всего, станет профессиональной домохозяйкой.

А кем будет хитрец и обманщик? Скорее всего, политиком. Или юристом. А уж кто найдет, где устроиться, так это природный прохиндей. Адвокатом, например. Хулиганистый неформальный лидер может стать большим начальником. Или вором в законе. Мальчик-скупердяй может дорасти до банкира. Или до завхоза, и будет всю жизнь потихоньку воровать. Маленький негодяй с большой вероятностью сделается преступником и попадет в тюрьму. А кем станет честный и справедливый ребенок? Судьей? Сомнительно. Разве что футбольным. А вот оказаться изгоем у него действительно есть шансы. А кем станет юный живодед, мучитель кошек? Скорее всего, дитя с садистскими наклонностями найдет им применение в стоматологии. Или в следственных органах. В крайнем случае, станет литературным критиком.

А кем же станут остальные? Рабочими и колхозниками. И учителями. Говорят, нет дороги — иди в педагоги. Кто не может делать сам, будет учить других. Этой бородатой шуткой, на которую уже давно не обижаются учителя, заканчиваю субъективные заметки педагога-любителя с опытом преподавания полувековой давности.